

ГАЛЕРЕЯ «РОМАНОВЪ»

Дмитрий КРАСНОПЕВЦЕВ КРЕСТ ИЗ ПРОРОСШИХ СУЧКОВ

Долгоруковская ул., 29, кв. 104

Галерея «Романовъ», специализирующаяся на «неофициальном искусстве» 1960–80-х годов, показывает выставку произведений Дмитрия Краснопевцева (1925–1995), в основном ранних. Представлены 53 работы, хранящиеся в частном собрании Игоря Сановича, друга художника: пейзажные офорты, геометрические композиции, первые подступы к «метафизическим натюрмортам». Выставка заставляет еще раз обратиться к творчеству замечательного художника, чье глубоко драматическое, полное духовной мощи искусство так нужно сегодня нам, стоящим на распутье времен.

...Последние десять лет, до самой смерти весной 1995 года, Дмитрий Краснопевцев практически не покидал своей маленькой квартиры с наглухо зашторенными окнами, наполненной странными предметами — камнями, раковинами, сухими морскими звездами, черепками разбитых горшков, которые бесстрастно созерцал

желтый череп (интерьер этот бережно воспроизведен в специальном зале Музея личных коллекций при ГМИИ им. А.С. Пушкина). Здесь, в уединении, мастер писал картины и дневники, которым поверял свои раздумья, поражающие интенсивностью и глубиной, подчас горькой. «Мы, — писал он, — временные владельцы того, что у нас есть, это все как бы взято напрокат, и мы должны тем, кто нас придет сменить, сдать все по описи, в полной сохранности и порядке, как сдают пост при смене караула». И еще: «Нет и не было дьявола и прочей нечистой силы. Был и есть только Бог, а все дьявольское — это мы сами, часть нас, не познавшая Бога». Выражением раздумий художника в образах и красках стали его «метафизические» натюрморты.

Во все времена натюрморт был не столько изображением предметного мира, сколько концепцией мировосприятия. В Средние века и эпоху Возрождения натюрморт был тайнописью, полной аллегорических намеков. Голландцы XVI–XVII веков подняли искусство натюрморта на небывалую высоту, добившись прямой аналогии между миром предметов и человеческой жизнью. И в отличие от туповатого французского термина «натюрморт»

(«мертвая природа»), голландцы, немцы, а за ними англичане называют этот жанр иначе: «тихая жизнь вещей», — ибо высшее предназначение натюрморта — наделять мир предметов живой душой и поэтикой, видеть в нем человеческие начала. Натюрморты Дмитрия Краснопевцева — именно такого рода.

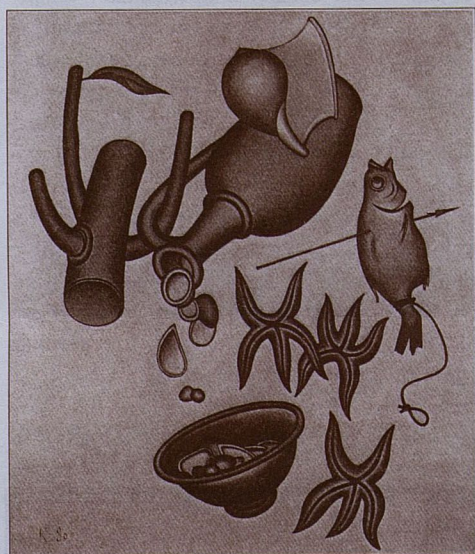
Обычно они невелики по размерам, цветовая гамма сдержана: нейтральный серый или черный фон, предметы — серого, коричневого, черного, голубовато-серого оттенка — обведены четким контуром. Набор их ограничен: глиняные кувшины, амфоры, ветки, камни, иногда книги, морские звезды, в ранних работах — череп. Предметы бывают целые и разбитые и находятся между собой в сложных взаимоотношениях: висят друг на друге, пересекаются, балансируют в воздухе с помощью палочек и веревочек. Даже неискушенному зрителю ясно, что все это — не реальные предметы из глины, камня, дерева, а лишь знаки вещей, метафизические их сущности. А сами картины — лишь иносказания, попытки осмыслить такие грандиозные категории, как Жизнь, Смерть, Время, Пространство, Вечность. Как у старых мастеров, у Краснопевцева образы имеют несколько смысловых уровней: помимо буквального, предметного, есть еще аллегорический, анагогический (возвышенно-религиозный) и поучительный. Достаточно вспомнить, что во многих религиях первым гонимым был сам Бог, вылепивший людей из глины, как кувшины. Что в Средние века человека называли «сосудом греховным». Так что вполне ясны у Краснопевцева и разбитый кувшин, и за-

«Крест из проросших сучков». 1993.

сохшая ветка — как символы смерти. Многозначна символика камня, рыбы и, конечно, креста.

Ранние работы, выставленные в галерее «Романовъ», еще полны поиска, азарта открытий, динамики. Все еще целесообразно, уравновешено. Но некоторые из них уже полны растущего напряжения. Чем дальше, тем сумрачнее цвет, трагичнее символика, горше раздумья. Все чаще сосуды разбиты, веревки оборваны, ветки сломаны. Появляется мотив креста, составленного из камней, веток. Потрясает «Крест из проросших сучков» (1993) — символ надежд на будущее Воскресение. Тут все имеет значение, даже направление листьев, выросших на мертвых ветках. Увы, лишь один смотрит вверх, остальные указывают в землю, в небытие...

«Палящие предметы». 1980.

«Два дерева». Офорт. 1950